

Нет автора

Русская старина

1908. 1_3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1908. 1_3 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 781 с.

ISBN 978-5-458-02884-4

ISBN 978-5-458-02884-4

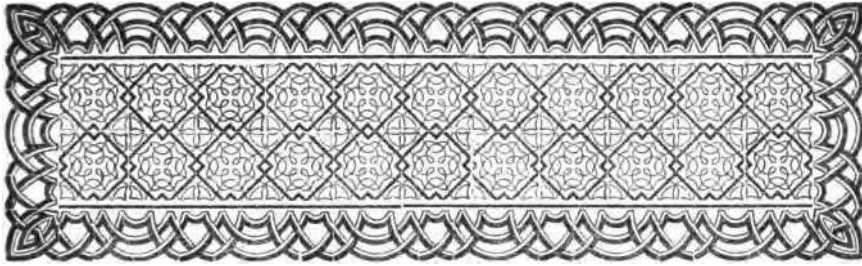
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Поэзія К. Р.

(Къ 25-лѣтію литературной дѣятельности).

же давно нашей широкой читающей публикѣ стало извѣстно, что скромными инициалами *К. Р.*, подѣ обратившими на себя всеобщее вниманіе стихотвореніями, появившимися въ разныхъ журналахъ, подписывается Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Болѣе четверти вѣка славно подвизается Августѣйшій поэтъ на благородномъ литературномъ поприщѣ, на которомъ онъ сумѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе и извѣстность совершенно независимо отъ своего исключительно высокаго общественнаго положенія. Среди современныхъ нашихъ поэтовъ *К. Р.* занимаетъ выдающееся мѣсто. Его поэзія чужда жгучихъ элементовъ злободневной современности, она не несетъ дани быстро пробѣгающимъ событіямъ времени, но зато въ ней есть главное достоинство истинной поэзіи—въ ея негромко, нѣжно звучащихъ, ласковыхъ струнахъ слышится сочувственный откликъ на самыя теплыя, задушевные движенія человѣческаго сердца... Муза *К. Р.*—та чистая, благородная муза, которая осѣнила золотые дни русской литературы, муза пушкинской школы. Она пробуждаетъ сочувствіе и любовь.

Личная жизнь поэта служитъ лучшимъ опроверженіемъ ходячаго мнѣнія, что только тотъ можетъ сильно и глубоко чувствовать, только тотъ можетъ понимать страданіе и горе, кто самъ боролся и страдалъ... Едва-ли судьба была такъ щедрѣ къ кому-нибудь другому изъ дѣтей своихъ, какъ къ поэту *К. Р.* Великій Князь Кон-

Константинъ Константиновичъ. которому нынѣ пятидесятый годъ, проходитъ свѣтлый и радостный жизненный путь. Вотъ краткій очеркъ его жизни. Великій Князь родился 10 августа 1858 г. Отецъ его, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, оставилъ по себѣ память благороднаго и просвѣщеннаго дѣятеля; для раскрѣпощенія крестьянъ, для насажденія образованія имъ сдѣлано очень многое... Получивъ тщательное домашнее воспитаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ проходя, съ 12 лѣтъ, морскую службу, молодой Великій Князь принялъ участіе въ русско-турецкой войнѣ; дѣло подъ Силистріей. 3 октября 1877 г., принесло ему георгіевскій крестъ. Въ слѣдующемъ году Великій Князь былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Его Императорскаго Величества, затѣмъ посвятилъ два года путешествію по югу Европы. Съ конца 1883 г. до 1891 г. Великій Князь служилъ л.-гв. въ Измайловскомъ полку, а затѣмъ былъ назначенъ командиромъ л.-гв. Преображенскаго полка. Въ началѣ 1900 г. Великій Князь занялъ постъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Еще въ маѣ 1889 г. Великій Князь сталъ во главѣ Императорской Академіи Наукъ—какъ ея Президентъ: въ этой должности онъ состоитъ понынѣ. При немъ Академія значительно расширила свою дѣятельность: нужно отмѣтить цѣлый рядъ научныхъ экспедицій, реорганизацию академическаго музея, пушкинскій праздникъ 1899 года, учрежденіе разряда изящной словесности... Русская наука многимъ обязана Августѣйшему дѣнителю знаній. Въ качествѣ начальника военно-учебныхъ заведеній, сумѣвшаго высоко поставить въ нихъ дѣло воспитанія, Великій Князь приобрѣлъ большую популярность.

Въ цвѣтущую пору юности, въ маѣ 1879 г., впервые заговорила муза К. Р. Его первое поэтическое произведеніе было ему навѣяно впечатлѣніями Крыма—южнымъ моремъ, радостнымъ маемъ, лунной ночью—и собственной молодостью, и съ его пера скатилась настоящая жемчужина:

Задремали волны,
Ясень неба сводъ,
Свѣтитъ мѣсяць полный
Надъ лазурью водъ.
Серебрится море,
Трепетно горить...
Такъ и радость горе
Ярко озарить.

Этой прекрасной маленькой пьесой началась поэтическая дѣятельность К. Р. Путешествія по Африкѣ, Италіи, Палестинѣ и другимъ странамъ юга взлелѣвали, выхолили юную музу, и она быстро

окрѣпла и возмужала. Творчество стало для К. Р. привычнымъ, любимымъ занятіемъ. Весну 1881 г. онъ привѣтствовалъ стихами:

Порою вешнею счастливъ
 Поэтъ: ужъ онъ не дремлетъ
 И *силы творческой* приливъ
 Душою чуткой внемлетъ;
 Онъ ударяетъ по струнамъ,
 И, полно вдохновенья,
 Его свободно къ небесамъ
 Несется пѣснопѣнье . . .

Въ августовской книгѣ „Вѣстника Европы“ 1882 г. появилось стихотвореніе К. Р. „Псалмопѣвецъ Давидъ“. Въ слѣдующей книгѣ журнала появилось уже пять стихотвореній: „Въ Венеціи“; на начинающаго поэта общество сразу обратило вниманіе: инициалы еще не были раскрыты. Ободренный успѣхомъ поэтъ продолжалъ трудиться и совершенствоваться, и въ 1886 г. появился первый сборникъ „Стихотвореній К. Р.“. Эта книжка сблизила молодого поэта съ старыми лебедями пушкинской школы—Фетомъ, Полонскимъ и Майковымъ. Фетъ писалъ молодому собрату:

Пѣвцамъ—высокое намъ мило;
 Въ насъ разгоняетъ сонъ души
 Днемъ лучезарное свѣтило,
 Узоры звѣздъ—въ ночной тиши.
 Поемъ мы пурпура сіянье,
 Побѣды гордые часы,
 И вѣчной мѣди изваянье,
 И мимолетныя красы.
 Но нѣтъ красы, значеньемъ равной
 Той, у которой, всемогущъ,
 Изъ-подъ вѣнца семьи державной
 Нетлѣнный зеленѣетъ плющъ.

Какъ относился Фетъ къ нашему поэту, видно изъ одного его стихотворенія, посвященнаго Великому Князю. Фетъ сравниваетъ его письмо съ теплымъ весеннимъ лучомъ:

Весной нежданной сладко вѣетъ,
 Въ груди теплѣй, въ глазахъ свѣтлѣетъ,
 Я робко за тобой пою,
 И сердце благодарно снова
 За жаръ живительнаго слова,
 За юность свѣтлую твою.

Около того же времени К. Р. писалъ Фету:

. . . испытанный годами,
 Неунывающій боецъ,
 Ты, убранный сѣдинами,
 Вѣнчанный славою пѣвецъ,
 Меня, взрожденнаго судьбою
 Въ цвѣтахъ, и счастья, и любви,
 Своей дряхлѣющей рукою
 На трудный путь благослови.

Послѣднее изданіе стихотвореній Фета (1901 г.) печаталось подъ наблюденіемъ Великаго Князя, который почтилъ такимъ образомъ память своего учителя и любимаго поэта.

Впечатлѣніе юности, свѣжести, производимое стихами К. Р., отмѣтилъ и А. Н. Майковъ, который, получивъ сборникъ К. Р., отвѣчалъ Великому Князю:

. . . нежданно, къ нелюдиму,
 Вашъ стихъ является ко мнѣ
 И дразнитъ стараго, какъ въ зиму,
 Воспоминаньемъ о веснѣ.

Майковъ высоко цѣнилъ талантъ К. Р. Эти инициалы онъ взялъ заглавіемъ стихотворенія, содержащаго въ себѣ оцѣнку творчества нашего поэта:

Эти милыя двѣ буквы,
 Что два яркіе огня,
 Въ тьмѣ осенней, въ бездорожье
 Манятъ издали меня.
 Зажжены онѣ въ воротахъ,
 Что въ чудесный міръ ведутъ,—
 Міръ, гдѣ только гости съ неба,
 Духи чистые живутъ.
 Для того живутъ, чтобъ знали
 Дѣти бѣдныя земли
 Славословье силъ небесныхъ,
 Высшей Правды и Любви;
 Для того, чтобъ знали тоже
 Братья ихъ на небесахъ
 Обо всѣхъ земныхъ страданьяхъ,
 Обо всѣхъ людскихъ слезахъ...

К. Р. явился въ началѣ своего поприща хранителемъ лучшихъ традицій русской литературы, и ея славные представители были

почтены его вниманіемъ. Я. П. Полонскому нашъ поэтъ писалъ въ день его юбилея:

Незабвенныхъ поэтовъ безсмертную лиру
 Унаслѣдовалъ ты, о пѣвецъ,
 Ты ревниво и свято сберегъ ее міру
 И стяжалъ себѣ славы вѣнецъ.
 Въ чуткихъ струнахъ будила волшебные звуки
 Вдохновенная пѣсня твоя,
 То врачуй сердцецъ сокровенныя муки,
 То веселье и радость лія.
 Лишь *во имя того, что свѣтло и правдиво,*
 Что волнуетъ восторгами грудь,
 Лишь *во имя добра* ты всю жизнь терпѣливо
 Свой тернистый прокладывалъ путь.
 И за то, что *завѣтъ тѣхъ пѣвцовъ незабвенныхъ*
 Ты исполнилъ, трудясь и любя,
 Никогда въ пѣснопѣвьяхъ твоихъ вдохновенныхъ
 Не забудетъ отчизна тебя.

Къ И. А. Гончарову К. Р. обратился съ восторженной благодарностью за то, что старый художникъ слова „звукамъ робкаго напѣва внималъ задумчиво не разъ“:

Когда жъ бывали пѣсни спѣты,
 Его ты кротко поучалъ,
 Ему *художества завѣтъ*
 И *тайны вѣчныхъ* вѣщалъ.

Это отношеніе нашего поэта къ искусству сказалось и въ его посланіи А. Г. Рубинштейну:

Игры упоительной звуки текли.
 Мы въ нѣжномъ восторгѣ внимали.
 Всѣ радости неба, все горе земли
 Тѣ звуки въ себѣ отражали.
Плннать насъ и трогать имъ было дано:
 Предъ ними стнхали сомнѣнья,
 И было такъ много обидъ *процено*
 И пролито слезъ умиленья.
 О, пусть насъ уносить волшебной игрой
 Туда, въ тѣ завѣтныя дали,
 Гдѣ нѣтъ *ни вражды, ни тревоги* земной,
Ни зла, ни борьбы, ни печали.

Въ 1899 г. поэтъ откликнулся на пушкинскій юбилей, свѣтлый праздникъ русской поэзіи, своимъ словомъ, по обыкновенію полнымъ любви къ добру и къ людямъ. Голосъ К. Р. былъ однимъ изъ самыхъ звучныхъ въ торжественномъ хорѣ, воспѣвшемъ Пушкина:

Его ужъ нѣтъ,—но дивныхъ пѣсней
 Не позабыть сердца́мъ людей:
 Онѣ звучатъ имъ все прелестнѣй
 И все ихъ *прозаютъ* живѣй.

Отъ заботъ земли унылой,
 Отъ тревогъ и суеты
 Насъ невѣдомою силой
 Въ вихрѣ пѣсень уносило
 Въ неземныя высоты.
 Сколько радостныхъ мгновений
 Подарилъ ты намъ, поэтъ!
 Сколько чистыхъ наслажденій,
 Сколько радужныхъ видѣній
 И какой *небесный свѣтъ*
 Сладковзвучнымъ роемъ пѣсень
Пролилъ ты въ сердца людей!...

Намъ ясны, такимъ образомъ, тѣ требованія, которыя предъявляетъ поэтъ къ своему искусству. Взгляды свои на поэзію К. Р. выразилъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. „Поэту“ онъ сказалъ о его славномъ назначеніи:

Пусть гордый умъ вѣщаетъ міру,
 Что все невримое лишь сонъ,
 Пусть знанье молится кумиру
 И лишь науки чтитъ законъ.
 Но ты, поэтъ, вѣрь въ жизнь иную,—
 Тебѣ небесъ открыта дверь;
 Вѣрь въ *силу творчества живую*,
 Во все несбыточное вѣрь!
 Лишь тѣмъ, что *свято, безусловно*,
 Что *полно чистой красоты*,
 Лишь тѣмъ, что *свѣтитъ правдой вѣчной*,
 Пѣвецъ, плѣняться долженъ ты.
Любовь—твое да будетъ знанье,
 Проникнись ей, — и пѣснь твоя
 Включитъ въ себѣ и все страданье,
 И все блаженство бытія.

Определеннее и точнее поэтъ выразилъ эту мысль въ стихахъ, написанныхъ на юбилей А. Н. Майкова:

Твоя восторженная лира
И пѣсни чистыя твои
Намъ проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви.
Ты черни вѣтренной въ угоду
Себѣ, пѣвецъ, не измѣнялъ,
Свою священную свободу
Страстямъ толпы не подчинялъ;
Ты пѣлъ въ теченіе полвѣка,
Безсмертья лаврами увить,
Ту пѣснь, что душу человека
И возвышаетъ, и живитъ...

Когда поэта „волной холодной“ охватываетъ „міра суета“,— тогда—говорить онъ—:

Звѣздой мнѣ служатъ путеводной
Любовь и красота.
О, никогда я не нарушу
Однажды данный имъ обѣтъ:
Любовь мнѣ согрѣваетъ душу,
Она—мнѣ жизнь и свѣтъ.
Не зная устали, ни лѣни,
Отважно къ цѣли я святой
Стремлюсь, чтобъ преклонить колѣни
Предъ вѣчной красотой.

Поэтъ рассказалъ намъ о процессѣ своего творчества, описалъ тѣ чудныя мгновенья,

Когда нисходитъ въ душу вдохновенье,
И, зародившись, новой пѣсни звукъ
Въ ней пробуждаетъ столько тайныхъ мукъ
И столько неземного восхищенья...

Объ одномъ изъ такихъ моментовъ онъ повѣдалъ въ обращеніи къ музѣ, которая къ нему „украдкою незримая являлась“:

Лишь только ночь, бывало, въ небѣ ясномъ
Своихъ огней заводитъ хороводъ,
Ужъ сердцемъ я, всегда тебѣ подвластнымъ,
Невольно твой угадывалъ приходъ.
Я замиралъ, восторговъ чистыхъ полный,
Подъ взоромъ глазъ невидимыхъ твоихъ,

И въ этотъ часъ таинственно-безмолвный
 Плънительный въ душѣ слагался стихъ.
 О, если бы тотъ мигъ учуять снова!
 Уже во тьмѣ узоры звѣздъ зажглись.
 Все спитъ кругомъ... Душа моя готова.
 Я жду тебя... О, муза, появись!

Этой чистой, нѣжной музѣ чрезвычайно присуще религиозное, благоговѣйное настроеніе, тѣсно связанное съ разлитой въ поэзіи К. Р. любовью къ добру. Это не та религиозность, которая жаждетъ личнаго душевнаго мира и покоя въ сознаніи неразрывной связи съ Божествомъ:—это дѣятельное, творческое чувство, источникъ благихъ мыслей и добрыхъ дѣлъ. Въ этомъ чувствѣ слышится твердая вѣра въ конечное торжество добра, звучать золотыя, незабвенныя слова шекспировскаго Лира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“:

... Пусть никто не говорить,
 Что сѣмя доброе бессильно
 Взойти добромъ; что только зло
 На нивѣ жатвою обильной
 Намъ въ назиданіе возшло.
 Больнѣй внимать такимъ сужденьямъ,
 Чѣмъ грусть и скорбь сносить отъ тѣхъ,
 Кому мгновеннымъ увлеченьемъ
 Случится впасть въ ничтожный грѣхъ.
 Не всѣ ль виновны мы во многомъ,
 Не всѣ ли братья о Христѣ?
 Не всѣ ли грѣшны передъ Богомъ,
 За насъ распятымъ на крестѣ?

Поэтъ вѣритъ, что „всѣ, кто сѣяли слезами, святою радостью, пожнутъ“. Въ минуту молитвеннаго общенія съ Богомъ мысль его посвящена ближнимъ:

Всѣхъ, которыхъ пришелъ искупить
 Ты своею Пречистою Кровью,—
 Безкорыстной, глубокой любовью
 Научи меня, Боже, любить!...

И въ душѣ поэта живетъ счастливая, радостная увѣренность, что бытіе не кончается у гроба, что „есть жизнь за могилой“:

Нѣтъ, мнѣ не вѣрится, что мы воспоминанья
 О жизни въ гробъ съ собой не унесемъ;
 Что смерть, прервавъ навѣкъ и радость, и страданья,
 Насъ усыпить забвенья тяжкимъ сномъ.

Раскрывшись гдѣ-то тамъ, ужель ослѣпнуть очи,
 И уши навсегда утратить слухъ?
 И память о быломъ во тьмѣ загробной ночи
 Не сохранить освобожденный духъ?...
 Не можетъ быть! Нѣтъ, все, что свято и прекрасно,
 Простившись съ жизнью, мы переживемъ
 И не забудемъ, нѣтъ! Но чисто, но безстрастно
 Возлюбимъ вновь, сливаясь съ Божествомъ!

Сквозь призму этой вѣры самая смерть перестаетъ казаться
 страшной:

...не страшно умирать,
 Когда средь огорченій и страданья,
 Средь испытаній и труда
 Ни разу грѣшныя уста
 Не изрекали словъ роптанья;
 Когда умѣли нѣжною душой
 Мы раздѣлять чужое счастье,
 Когда въ печали полные участья
 Мы радовались радости чужой,
 Когда мы плакали чистосердечно
 О горемычной участи людей
 И относились безпечно
 Къ печали собственной своей...

Религіозное настроеніе и нравственныя сочувствія поэта съ
 наибольшей полнотою выражены въ поэмѣ „Севастіанъ-Мученикъ“
 (1887 г.), безусловно лучшимъ и самымъ популярнымъ произведеніемъ
 К. Р. И съ внѣшней, и съ внутренней стороны это мастерская вещь,
 въ которой виденъ уже созрѣвшій и разработанный талантъ. Она
 производитъ впечатлѣнія и религіозное, и художественное разомъ,
 въ ихъ гармоническомъ сліяніи. Въ поэмѣ есть великолѣпныя кар-
 тины внѣшней жизни,—напримѣръ, разнообразное и краснорѣчивое
 въ своей сжатости описаніе праздника въ древнемъ Римѣ:

Въ Римѣ праздникъ. Рыщутъ колесницы;
 Топотъ, стукъ колесъ по мостовой,
 Ржанье, свистъ бича и крикъ возницы
 Въ гулъ слилися. Къ форуму толпой
 Повалилъ народъ. Снуютъ носилки,
 Пыль клубится облакомъ густымъ;
 Фыркаетъ, храпитъ и рвется пылкій
 Конь подъ всадникомъ лихимъ.

Въ честь богини зеленю, цвѣтами
 Убранъ былъ Венеры пышный храмъ;
 Отъ курильницъ синими клубами
 Возносился легкій ошміамъ.
 Въ наготѣ божественнаго тѣла,
 Фидія рукою создана,
 Въ благовонномъ сумракѣ бѣлѣла
 Олимпійская жена.

А вотъ картина еще прекраснѣе,—передающая внутреннюю красоту человѣческаго духа. Севастіанъ готовится погибнуть за вѣру отъ руки палача; охваченный экстазомъ, онъ не видитъ, какъ нумидіецъ уже цѣлится въ его грудь:

Въ этотъ часъ предсмертнаго томленья
 Все земное мученикъ забылъ;
 Полнъ восторга, въ сладкомъ упоеньѣ,
 Въ небесахъ мечтою онъ парилъ.
 Передъ нимъ отверзлись двери рая;
 Озаренъ сіаньемъ неземнымъ,
 Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
 Лучезарный серафимъ.

И мученикъ погибаетъ со словами, полными вѣры и любви:

„Вѣрю я! Ужъ время недалеко:
 Зла и лжи съ земли сбѣгаетъ тѣнь,
 Небеса зардѣлись съ востока,—
 Близокъ, близокъ правды яркій день...
 Тьму неправды властно расторгая,
 Слово солнца пламенной зарей,
 Засіяютъ истина святая
 И любовь надъ грѣшною землею“...

„Истина и любовь“—этимъ leit-motiv'омъ поэзіи К. Р. оканчиваются строфы о святомъ Севастіанѣ.

Жаждой добра окрашена въ поэзіи К. Р. любовь къ женщинѣ. Это не та жгучая, пьянящая, хмѣльная страсть, которая опрокидываетъ душу; не губительная молнія, сжигающая сердце въ пепель. Нѣтъ, это тихое, нѣжное чувство, которое спокойно, потому что глубоко, какъ вѣчно тихи и спокойны глубокія озера. Поэтъ глядитъ на прекрасную женщину, и въ его сердцѣ зрѣетъ нѣжное, молитвенное настроеніе, онъ „благоговѣетъ богомольно передъ святыней красоты“:

Ты такъ невыразимо хороша!
 О, вѣрно подъ такой наружностью прекрасной
 Такая же прекрасная душа!